

**Школьный этап всероссийской олимпиады учащихся
2023 – 2024 учебный год
Литература
11 класс**

**Максимальное время выполнения заданий: 180 минут
Максимальный балл за всю работу – 100.**

Задание №1. Проведите комплексный анализ текста – прозаического ИЛИ поэтического. Выбор типа текста – право ученика.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Михаил Осоргин (1878 – 1942)

Портрет матери

Из старой женщины с грустными глазами, какой взяла ее смерть, она превращается для меня в девочку лет четырнадцати, изображенную художником на миниатюрном портрете: худое прозрачное личико, чистые голубые глазки, тонкая талия, закованная в корсет, и трогательные розовые с синевою пальчики, так любовно зарисованные художником, что каждый ноготок виден особо.

Такою она была в институте в Варшаве. Она была там единственной русской, училась прекрасно, но окончила без шифра, «потому что во время мессы тянула кошку за хвост».

Это совершенно невозможно! Моя мать с раннего детства и до смерти была религиозной и кротчайшего характера, и кошка замаякала во время мессы, незадолго до выпуска, только потому, что польский институт не хотел дать шифра русской. Вероятно, это было для девочки большим огорчением, – мать вспоминала об этом всю жизнь. Когда я был маленьким, пятым в семье ребенком, я представлял себе странную картину: идет обедня, и кто-то за стеной нарочно дергает за хвост кошку, чтобы не дали маме большого банта на платье (так представлялся мне шифр).

Институткой она осталась до конца жизни. Одевалась чистенько, аккуратно, изящно; никто даже по утрам, не видал ее непричесанной. Молилась она по книжечке, хотя была православной. Ложась спать, вспоминала, что случилось за день дурного, и что хорошего, и что, белое или черное, перевесило сегодня. И каждый день, от института до смерти, занималась по утрам иностранными языками по сохранившейся институтской книжке: французским, немецким и английским.

Эта книжка, толстая, переплетенная в кожу и за полвека ежедневного употребления оставшаяся чистой и непотрепанной, содержала параллельный перевод изысканных выражений на трех языках. Полоской картона мать закрывала два столбца, оставляя третий. По тексту французскому – вспоминала два других текста, немецкий и английский; затем закладка передвигалась, – и по английскому припоминались идиотизмы двух других языков; затем открывался текст немецкий.

Толстую книгу мать знала наизусть. Когда (очень редко в глухой провинции) ей приходилось говорить с французом, англичанином или немцем, она их поражала своим языком: они объяснялись попросту, разговорно, она же подавала реплики на языке изысканном, изощренном, старинном, на каком не только говорить, а и писать уже перестали. С содержанием же колбасной. приходя за покупками, она говорила по-польски; этот язык, знакомый с детства, она никогда не забывала: говорила на нем, как полька, и напевала на нем старинную песенку о месяце, заглянувшем в окошко.

– Легкий язык, – говорил мой отец, никогда в Польше не бывавший. – Отец – ойтец, мать – майтец, мыло – мыдло, было – быдло... А еще: «Не пепшь Петше пепшем вепша...»

Было у институтки пятеро детей (да еще один умер маленьким): пять биографий произвела на свет. Это не легко дается. Все пять биографий начинались одинаково: кормление, скарлатина, гимназия... Когда дошло дело до младшего, до меня, мать отлично знала не только геометрию, но и латинский язык. И в первый класс я поступил, обучившись у нее большему, чем должны были научить меня к концу первого года. Даже Цезаря немножко разбирал. И когда начали мы читать в

классе: «Callia est divisa in partes tres» [«Галлия разделена на три части» (лат.)], – заботами матери моей я уже давно знал, что это значит.

Но кроме латыни есть и арифметика. Уже одиннадцать часов, спать пора, – а третья задача из Евтушевского еще не решена. Мать только что кончила заниматься с сестрой, которая никак не могла запомнить названия полуостровов.

– Ну, Пиренейский же, Пиренейский, ты запомни: перина, на которой спят. Повтори все полуостровы.

Сестра повторяет – и опять забыла Пиренейский.

– Я же научила тебя, как запомнить. Ну на чем спят?

И кончиками губ шепчет моя сестренка:

– По-ду-щечный?

Сестра идет спать, а я все еще пишу напрасные палочки в тетради. Рядом со мной мать тоже решает задачку, шепча про себя:

– 354 фунта, 8 лотов и 3 золотника картофеля помножить на 17 и 6 в периоде...

Ну за что мучат и ребенка, и мать! Все-таки она решила, я переписал в свою тетрадку. Крестит меня, целует – иду спать и я.

А на другой день двойка за устный ответ. Спрашивали пустяк, а я не ответил, потому что голова устала от глупых этих цифр, от вечного сидения над задачкой. Мне горе, маме тоже грустно: смотрит глазами печальными. Ушел в свою комнату, опустился перед постелью на колени, голову уткнул в подушку, заплакал и заснул. Сколько буду жить – никогда не прощу своих слез сухому учителю арифметики: зачем мальчика мучил!

Проснулся оттого, что мать обняла за шею. Она тоже на коленях перед кроватью и тоже заплаканная. Слезы из детских и взрослых глаз, потому что так трудно помножить картофель на 17 и 6 в периоде, когда и другой зубрежки много, когда нужно еще запомнить, что Максимилиан Первый любил ходить на охоту, чтобы переплетать книги в кожаный переплет, и что город Брюссель славится своими кружевами. Так до самой смерти не перестану не любить педагогов: ведь это они выдумали и кошку за обедней в мамином институте!

Когда я родился, матери не было еще тридцати лет. Она вышла замуж в семнадцать, значит, почти такой, как на портрете: голубые глазки и тонкие миниатюрные пальчики. Когда я надел фуражку гимназиста (с большой тульей и гербом), мать все еще казалась молоденькой, только начала полнеть. Она смущалась и краснела от нескромных слов и кокетливо оправляла перед зеркалом волосы, без единого седого. Но жизнь в провинциальном городе была однообразна и скучна, а большая семья требовала вечных мелких забот. Мать не только всех нас подготовила к гимназии, не только помогала нам готовить уроки, но и лечила всех сама простыми и испытанными средствами: липовым цветом, сухой малиной, касторкой, компрессами, клюквой в уши – при головной боли (это после пирамидон выдумали), паутиной – при порезах, теплым деревенским маслом – если стреляло в ухе. Когда детей пятеро – один из них непременно болен, а для хорошей жены муж ее тоже идет за ребенка. Мало оставалось у матери свободного от забот времени. И вокруг ласковых голубых глаз появились тонкие морщинки.

Была у родителей мечта: из глухой провинции перебраться в столицу, или хоть поближе к центру, или, наконец, хотя бы на родину отца, где было бездоходное имение на реке Бугуруслане; хоть немного пожить бы, отдохнуть, – а, там пусть опять служба и семейные заботы. Так мечтали двадцать два года. А сбылась бы мечта – взволновались бы безмерно, не знали бы, как расстаться с насиженным местом, с привычками, с кругом знакомых, как приспособиться к новым местам.

Но мечта не сбылась.

Однажды весной отец получил отпуск, взял с собой меня, младшего, и поехал в родной город Уфу, навестить свою мать, повидать имение. По дороге, в Пьяном Бору, где пересадка с Камы на Белую и где тогда приходилось целую ночь ждать на пристани парохода, отец простудился, а по приезде в Уфу, едва увидав родной город и старый дом моей бабушки, – слег и умер. Мать приехала, когда на уфимском кладбище уже стоял новый намогильный крест.

Семья стала маленькой (две сестры вышли замуж и уехали в Москву). Была приличная бедность: ели хорошо, а носили штопаное. Осталась кухарка Савельевна. По субботам мать ходила с ней на рынок. Заяц в шкурке стоил пять копеек, без шкурки – десять (снять шкурку – тоже работа). Близ города были леса – тянулись через Урал на тысячи верст. И стерлядка стоила пятак (из кормилицы Камы!). А вот ученье стоило дорого. Впрочем, доучивался теперь один я.

Был у матери рабочий столик с откидной крышкой, с ящичками, полочками – целый городок рукоделья. Окончив утренние хлопоты, она за ним проводила весь день. Штопала, вышивала, чинила белье, читала, раскладывала пасьянсы. Чтобы сберечь глаза – разнообразила работу: штопка, газета, чулок, книжка, вышиванье, пасьянс. В перерывах брала из коробочки кедровый орешек, разбивала камушком и ела. Зубы стали плохи. Но утром, прежде всяких занятий, открывала институтскую книжку и шепотком повторяла старинные фразы – по-французски, по-немецки, по-английски.

– Зачем мама?

– Ну, я привыкла. Может, и пригодится еще.

А когда, уже студентом, я стал работать в газетах и летом секретарствовал в нашей провинциальной, – она переводила для меня статейки из иностранной почты и небольшие рассказы. И нечаянно я узнал, что у нее был отличный литературный язык и что она хорошо разбиралась в событиях жизни заграничной. Откуда это – у институтки, всю жизнь прожившей в губернском городке Приуралья?

Теперь я видал мать только летом, когда приезжал из Москвы на каникулы (пароходом по Волге и Каме! Незабвенное время! Счастливые дни! Любимый кусок родины!). А как-то приехал и зимой, неожиданно: выслан был на родину за «защиту чести студенческого мундира».

Всплакнула мать, обнимая сына-героя:

– Ну, из-за чего это вы? Лучше бы учились хорошенько. Вот теперь год и потеряешь.

– Нам не дают учиться, мама. Мы не можем допустить...

– Я знаю, милый, я читала, а все-таки лучше бы сначала выучились, а уж потом... Твое дело, но ведь лишний год так трудно.

И посмотрела на мою папиросу:

– Вот ты все куришь...

Утром, вставши, вижу: беднее стало у мамы в квартире. Все старенькое. Сама, в черном старомодном платье, сидит за книжкой, передвигает закладку, шепчет английские фразы.

Был на третьем курсе. Написал матери:

«Пришли мне, пожалуйста, поскорее нотариальное разрешение жениться; оно нужно для представления в университет ректору, так как без этого не венчают. Я, мама, решил жениться. Моя невеста...»

Она ответила:

«Посылаю тебе разрешение. Что ж поделать, если ты решил жениться, хотя, по-моему, тебе рано. Лучше бы сначала окончил и устроился. Но дело твое, мой мальчик, я не противоречу; значит, уж такая твоя судьба...»

На каникулы приехал и говорю:

– Свадьба моя отложена, мама. Может быть, еще и не женюсь...

У нее радостно и хитро заиграли глазки:

– Как знаешь, милый. По-моему, тебе рано, ты еще совсем мальчик. Но как знаешь, делай как хочешь. Если женишься – я полюблю твою жену.

Прожил дома лето. Нотариальное разрешение отдал матери обратно:

– Не нужно, мама.

– Я знаю; ты все получал письма. А ты бы, если уж суждено тебе жениться, женился бы на Катеньке.

Катенька была моим другом детства, любимицей матери; жила в нашем городе.

– Нет, мама, я вообще не собираюсь.

Перекрестила и отпустила опять в Москву.

Потом был девятьсот пятый год, коротенькая «эпоха свобод». И тогда мать писала мне, маленькому московскому адвокату, больше занятому революцией, чем практикой:

«Может быть, вы и правы. Я, во всяком случае, очень рада, что наступило время, о котором ты мечтал».

Она каждый день читала «Новое время», ходила ко всенощной и к обедне и горько плакала (я это хорошо помню, хотя был тогда совсем маленьким), когда убит был Александр Второй. Он царь-освободитель, был ее кумиром, может быть, потому, что мой отец был скромным участником крестьянской и судебной реформы Александра.

Теперь отца уже не было; был сын, и радость сына могла стать радостью матери. Она всю жизнь жила радостями и горестями мужа и детей.

Но «эпоха свобод» окончилась быстро. Мать знала, что мне грозит. Все равно ей не пережить бы этого несчастья; даже мысли об этом она, старенькая, пережить не могла.

И когда следователь в Таганской тюрьме, предъявив мне статью закона, которую я и ждал, начал официальный допрос: «Ваш отец? Ваша мать?..» – я ответил ему:

– Тоже умерла.

– Когда?

– Сегодня утром получил письмо.

Он посмотрел на меня исподлобья и смущенно выразил соболезнование.

* * *

Ни одного письма, ни одной строчки, писанной ее четким бисером, нет в моем архиве: все похоронено в архивах Охранки и Чека. Нет даже картонного квадрата, которым она закрывала текст институтской книжки и на котором записан был для памяти порядок пасьянсов:

«Восемь королей.

Rouge et noir.

Горница.

Тринадцать.

Concordance.

Веер.

Взаимность.

Кадриль.

Марья Павловнин.

Для тасовки.

Мой».

Пока мог – я свято хранил этот кусочек картона, присланный мне сестрой. Но и он вместе с другими реликвиями погиб в скитаньях и при обысках.

Остался – чудом и дружеской услугой – только портрет работы польского художника, с пометкой: «54 г.». Такой она была три четверти века тому назад: худенькой институточкой с тонкими прозрачными пальчиками.

И вот уходят из памяти черты лица молодой женщины и старухи. Но каждый день, когда смотрю на портрет в круглой черной рамке, – освежается и укрепляется в памяти (уже навсегда) лицо девочки с голубыми глазами.

Когда смотрю – думаю: «Я – сын этой девочки!»

И делаюсь тогда сам маленьким, хрупким, незаметным, может быть, счастливым, а может быть, и не очень счастливым.

Есть и мой детский портрет. Но никто никогда не повесит его над постелью и не будет думать: «Я – сын, или: я – дочь этого мальчишка в теплой курточке».

Никто никогда, потому что некому...

1927

ИЛИ

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Давид Самойлов (1920 – 1990)

Средь шумного бала

Когда среди шумного бала
Они повстречались случайно,
Их встреча, казалось сначала,
Была не нужна и печальна.
Он начал с какого-то вздора
В своем ироническом тоне.
Но, не поддержав разговора,
Она уронила ладони.

И словно какая-то сила
Возникла. И, как с палимпсеста,
В чертах ее вдруг проступила
Его молодая невеста. –
Такой, как тогда, на перроне,
У воинского эшелона,
И так же платочек в ладони
Сжимала она обреченно.
И в нем, как на выцветшем фото,
Проявленном в свежем растворе,
Вдруг стало пробрезживать что-то
Былое в лице и во взоре.
Вдвоем среди шумного бала
Ушли они в давние даты.
– Беда, – она тихо сказала, –
Но оба мы не виноваты.
Меж нашей разлукой и встречей
Война была посередине.
И несколько тысячелетий
Невольню нас разъединили.
Но как же тогда, на вокзале,
Той осенью после победы, –
Вы помните, что мне сказали
И мне возвратили обеты?
– Да, помню, как черной вдовою
Брела среди пасмурных улиц.
Я вас отпустила на волю,
Но вы же ко мне не вернулись...
Вот так среди шумного бала,
Где встретились полуседыми,
Они постигали начало
Беды, приключившейся с ними.
Все, может быть, было уместно:
И празднества спад постепенный,
И нежные трубы оркестра,
Игравшего вальс довоенный.

1978

Максимальное количество баллов – 70

Напишите гипотетическое интервью с писателем/поэтом-юбиляром на основе знаний о его жизни и творчестве (на выбор из предложенного списка). Выберите персону, тему, составьте 5 вопросов для интервью и дайте возможные ответы на них.

2023 год

- 205 лет со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883).
- 200 лет со дня рождения Александра Николаевича Островского (1823–1886).
- 120 лет со дня рождения Николая Алексеевича Заболоцкого (1903–1958).

2024 год

- 140 лет со дня рождения Александра Романовича Беляева (1884–1942).
- 100 лет со дня рождения Виктора Петровича Астафьева (1924–2001).

Максимальное количество баллов – 30

Интервью я решила взять у Ивана Сергеевича Тургенева.

1. Вопрос: Какая была первая поэма которую Вы написали?
И кому Вы ее показали?

1. Ответ: Первую поэму я написал в 1834 году под названием «Стено» и показал ее профессору П. Я. Метневу, он был мастер словесного искусства.

2. Вопрос: С кем из ~~извест~~ ваших современников у Вас была дружба?

2. Ответ: Моя дружба началась с В. Г. Белинским, после того, как он оценил мою поэму «Параша». Между нами зародилась крепкая дружба.

3. Вопрос: Как Вы относитесь к отмене крепостного права?

3. Ответ: Я всю свою жизнь был за ее отмену, я с самого детства ненавидел крепостное право.

4. Вопрос: Какие произведения Вы написали про отмену крепостного права?

4. Ответ Я написал «Записки охотника».

$$3 \cdot 1 \quad 0 - 0 - 0 - 0 - 0 = 05$$

$$3 \cdot 2 \quad 4 - 6 - 4 - 4 - 5 = 235$$

Итого: 235